

Андрей МАНОЙЛО

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА В ВООРУЖЁННОМ КОНФЛИКТЕ В ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

В статье представлены результаты реконструкции операций информационно-психологической войны, проведённых США против России в ходе грузино-осетинского вооружённого конфликта. Исследуются их цели и задачи, даётся оценка эффективности.

In the article the results of reconstruction of operations of the informational-psychological war held by the USA against Russia during a Georgian-Ossetic confrontation are presented. Their purposes and a problem are investigated, the efficiency estimation is given.

Ключевые слова:

война в Южной Осетии, грузино-осетинский конфликт, информационная война, психологические операции, национальная безопасность, урегулирование конфликта, международные отношения, политические конфликты; war in South Ossetia, Georgian-Ossetic conflict, informational war, psychological operations, national safety, conflict settlement, international relations, political conflicts.

Незадолго перед началом войны в Южной Осетии в научной литературе появилась классификация моделей психологического управления международными конфликтами, в которой выделялись четыре различных подхода к их мирному разрешению, предлагаемых представителями основных мировых цивилизаций: англосаксонской (США, Великобритания, Канада и др.), романо-германской (Западная и Северная Европа, прежде всего Германия и Франция), ближневосточной (исламский мир) и восточноазиатской (Китай, Япония, Вьетнам и т.д.). Все эти модели сегодня эффективно работают в зонах конфликтов, не вступая во взаимные противоречия, а во многом и дополняя друг друга (находясь, тем самым, на начальной стадии эволюции технологий психологического управления политическими процессами – на стадии неконфликтного сосуществования). Их индивидуальные особенности отражают культурно-цивилизационные и национально-государственные различия в мировоззрении существующих мировых цивилизаций на разрешение конфликтных ситуаций и очевидным образом проявляются во внешней политике ведущих мировых лидеров: методы, применяемые США и Великобританией, относящихся к англосаксонской цивилизации, существенно отличаются от методов и технологий воздействия на конфликтную ситуацию стран Восточной Азии, Ближнего Востока и даже Европейского союза.

События 8 августа 2008 г. в Южной Осетии и развернувшаяся одновременно с ними информационная война стали наглядной иллюстрацией теоретических выводов и заключений: психологические операции, проводимые Грузией и стоящими за ней силами против России в период войны в Южной Осетии, чётко соответствовали схемам и шаблонам англосаксонской модели психологического управления конфликтами. Можно даже сказать, что за информационными и психологическими атаками грузинских внешнеполитических и военных ведомств и поддерживающих их западных СМИ угадывался индивидуальный почерк специальных служб США, по одним характерным особенностям которого можно точно установить, кто именно стоит в этой войне за режимом М. Саакашвили. В этом почерке можно было выделить и приверженность к традиционным для англосаксонской культуры идеологическим шаблонам и штам-

МАНОЙЛО

Андрей

Викторович –

к. физ.-мат. н.,

докторант

Дипломатической

академии МИД РФ,

старший научный

сотрудник

cyberhurricane@yandex.ru

пам, и использование отработанных на других театрах военных действий – в Ираке, Афганистане, Югославии – тактических схем проведения психологических операций, и особую организацию работы СМИ по освещению конфликта и производству политических комментариев, аналитики, пиар-новостей.

На прямое участие США также указывают попытки применения в психологической войне против России технологий информационно-психологического воздействия, эффективно действующих только в среде с преимущественно протестантским мировоззрением и психологией общества потребления, то есть разработанных в расчёте на электорат, близкий по своему менталитету к англосаксам. В этом нет специального и тонкого расчёта, так же как и нет особенно грубых просчётов – просто такой подход заметно упрощает жизнь американским политтехнологам, занимающимся разработкой технологических схем психологического воздействия, поскольку любой из них лучше всего понимает психологию представителей именно своей, англосаксонской, цивилизации. В конечном итоге на постсоветском пространстве психология и идеология американского образа жизни пользуется заметной популярностью среди значительных масс населения, вытесняя и разрушая при этом традиционные социокультурные отношения и системы ценностей, и англосаксонские технологии при таких условиях не могут не быть эффективными.

Технологическая схема англосаксонской модели психологического управления конфликтами достаточно проста.

1. В регионе, в котором между населяющими его народами существуют скрытые межэтнические, территориальные, межконфессиональные или иные противоречия, инициируется локальный вооружённый конфликт. Причём лучше всего для этих целей подходят уже существующие конфликты низкой интенсивности или «замороженные» конфликты.

При этом сам конфликт для англосаксонской модели необходим исключительно как производственный конвейер для пиар-новостей, способных сфокусировать в нужной точке процесса внимание мирового сообщества, и как ловушка для государств, которые после выхода ситуации из-под контроля (например, если начнется геноцид мирного населения) будут вынуж-

дены в него вмешаться. Сами первоначальные участники конфликта самостоятельного значения не имеют и рассматриваются исключительно как средство для гарантированного достижения основной цели – создания политического прецедента для дипломатических ведомств и иницилирующего повода для перехода психологической войны в открытую фазу.

2. Локальный вооружённый конфликт должен интенсивно разрастаться до тех пор, пока он явным образом не затронет одного из крупных акторов международных отношений, имеющих законные интересы в этом регионе. Часто именно на него бывает нацелена вся психологическая операция стратегического уровня. Актор в связи с конфликтом может принять различные решения, например решение о прямом вмешательстве или о наблюдении со стороны, но любая его позиция по отношению к политическим союзникам, втянутым в конфликт, становится уязвимой для психологических атак. Прямое вмешательство в конфликт неизбежно сделает политическую трактовку ситуации неоднозначной, по крайней мере на первых этапах развития миротворческих усилий.

3. С самых первых дней конфликта в ход пускаются технологии информационно-психологического воздействия на массовое сознание населения и политических элит как в зоне конфликта, так и за его пределами: в прицел психологической войны обязательно попадает мировое общественное мнение, а также общественное мнение европейских союзников.

В эфире устанавливается монополия на политическое освещение событий в зоне вооружённого столкновения: события комментируются в соответствии с заранее подготовленными шаблонами и стереотипами, в рамках сконструированных политических мифов, причём залпы новостей и аналитики выбрасываются в эфир с той частотой, которая необходима для того, чтобы все время держать зрителей в напряжении в ожидании новой серии репортажей с мест событий, давая им время только впитывать получаемую информацию, не оставляя времени для её самостоятельного и критического анализа.

В ходе редакционной работы реальные трагические события специально вырываются из контекста происходящего в зоне вооружённого конфликта и после ретуширования, перетасовывания, снабжения

односторонними политическими комментариями выстреливаются в эфир, превращая войну в увлекательный сериал, где все его участники однозначно делятся на положительных и отрицательных персонажей. При этом нередко миротворцы в общественном мнении меняются с реальными агрессорами местами: война в Южной Осетии явное тому подтверждение.

4. В результате применения соответствующих технологий психологического управления европейским общественным мнением реальное значение опасности, грозящей мировому сообществу в случае разрастания конфликта и превращения его в полноценную войну, раздувается в политическую истерию. В сознание каждого европейского и американского обывателя настойчиво вкладывается мысль, что эти события могут стать прямой угрозой для его жизни. Широкие слои населения под воздействием массивной информационно-психологической обработки утрачивают способность критически и самостоятельно оценивать происходящее и перед лицом «мифической» угрозы со стороны нового агрессора сплачиваются в идеологически правильно ориентированные фракции, способные обеспечить всенародное одобрение любому предложению о военном вмешательстве в конфликт и во внутренние дела его участников.

5. Далее, нередко под видом миротворческой операции, следует собственное вооружённое вмешательство с привлечением сил союзников по военно-политическим блокам и стран-сателлитов, как это было в Ираке, Афганистане, Югославии. Воспользоваться ли этой возможностью для укрепления военного присутствия в регионе на почти законных основаниях, или отложить операцию до следующего выгодного момента — в каждом случае решается индивидуально.

В войне в Южной Осетии все эти особенности ведения психологической войны проявились как никогда чётко и рельефно. С первых же дней войны трагедия мирного населения в Южной Осетии и собственно боевые действия, сопровождающиеся многочисленными потерями с обеих сторон, стали в западных СМИ предметом многочисленных политических спекуляций, сам конфликт стал конвейером для производства пиар-новостей, в которых Россия представлялась истинным агрес-

сором, а Грузия — жертвой российской «военной машины». Все публичные выступления М. Саакашвили снимались на фоне флага Европейского союза — для массовой аудитории, которая вряд ли знает, какие страны входят в ЕС, создавалось впечатление, что воюет страна, входящая в Европейский союз¹. В рекордно короткие сроки в мировом общественном мнении сформировался негативный образ России как милитаристской авторитарной страны, возглавляемой бывшими сотрудниками КГБ и стремящейся к немотивированной агрессии в направлении любых своих соседей, особенно стран, вставших на демократический путь развития.

Взволнованная этой новой угрозой, американская и европейская общественность начала быстро сплачиваться вокруг политических сил, требующих резкого ужесточения отношений с Россией «во имя мира и всеобщего спасения». Фактически победившая в западном общественном мнении точка зрения на Россию как на нового мирового агрессора обеспечила широкое одобрение последующего ввода натовской эскадры в территориальные воды Грузии и, несомненно, одобрила бы большинством голосов прямое военное вмешательство, если бы оно состоялось.

В целом, исходя из анализа психологической войны в войне Грузии против Южной Осетии, можно сделать следующие выводы.

1. Вооружённый конфликт в Южной Осетии был специально инициирован США на начальном этапе проводимой ими на Кавказе стратегической операции психологической войны.

2. Вероятно, что одной из основных целей организованной США психологической войны против России была подготовка европейского общественного мнения к вводу в Грузию «миротворческого» корпуса НАТО и вовлечение его в вооружённое столкновение с российскими миротворцами, осуществляющими операцию по принуждению Грузии к миру.

3. Впервые после окончания холодной войны Россия и США оказались в состоянии прямого столкновения, оказавшись по разные стороны фронтов в информационно-психологической войне.

¹ Колесов П. Информационная война Грузии против Южной Осетии и Абхазии // Зарубежное военное обозрение, 2008, № 10, стр. 18–20.

К такой форме войны Россия оказалась фактически не готова.

4. Психологические операции США в войне против Южной Осетии и России, их индивидуальный почерк продемонстрировали в действии англосаксонскую модель психологического управления конфликтами. Между тем, политика Франции по урегулированию вооруженного конфликта в Южной Осетии полностью соответствовала основным принципам и технологиям романо-германской модели психологического управления конфликтами. Таким образом, в психологической войне в Южной Осетии применялись две различные культурно-цивилизационные модели, каждая из которых использовала свои технологии информационно-психологического воздействия на конфликт, и обе модели успешно себя проявили.

5. Результаты психологической войны, из которой Россия вышла явно не победителем, свидетельствуют о том, что инсценированную Вашингтоном войну в Южной Осетии Россия должна воспринимать как прямое предупреждение.

Война в Южной Осетии вызвала огромный резонанс в стране и во всех слоях российского общества. На острие дискуссии оказались следующие основные темы.

- Какой будет политическая картина мира после войны в Южной Осетии, станут ли изменения на политической карте мира необратимыми и не станет ли это началом новой холодной (или горячей) войны с США и их союзниками?

- Как изменится существующее международное право, в которое необходимо будет вписать действия всех участников конфликта и дать им правовую оценку?

- Как изменится правоприменительная практика в международных отношениях, особенно практика, которой придерживаются ведущие акторы – США, ЕС, Россия, Китай?

- Как обеспечить надёжную защиту государственных интересов России, её населения, руководства и вооружённых сил от современных технологий информационно-психологической войны, для того чтобы снова не оказаться в ней побеждёнными?

Ответ на некоторые вопросы мы сегодня уже имеем: новая холодная война не началась, взаимодействие с НАТО постепенно начинает налаживаться, в лексиконе американского политического истеб-

лишмента появился новый термин, касающийся отношений с Россией – «перезагрузка». Многие иронично сравнивают этот термин с лейтмотивом известного фильма «Матрица» и напоминают, что в фильме причиной её «перезагрузки» является сбой в её функционировании. Не случайно этот термин так удачно вписался в политическую риторику – «матрица» в одноимённом фильме символизирует и мировой порядок, и глобальную политическую систему, построенную по англосаксонскому образцу.

Сразу после окончания войны в Южной Осетии было распространено мнение, что политическая картина мира изменилась кардинально и эти изменения необратимы; прежние системы обеспечения международной безопасности и стабильности отошли в прошлое, нормы международного права уже в ближайшее время изменятся до неузнаваемости. Одним словом, мир после войны в Южной Осетии стал другим. Соответствующим образом изменилась и российская внешняя политика: как указывает А.В. Фролов, для неё начинается новый отсчёт¹. Всё это является свидетельством того, насколько глубоко война в Южной Осетии потрясла всё российское общество.

Спустя достаточно большое время после описываемых событий, можно утверждать, что мир другим не стал, международная стабильность не рухнула, Россия своими решительными действиями в грузино-югоосетинской войне существенным образом не укрепила свой международный авторитет, Грузия не отказалась от своих претензий и заново комплектует и вооружает свою армию для реванша где-то в будущем, Южную Осетию и Абхазию пока никто не спешит признавать. Система действующего международного права устояла, но его правоприменительная практика, особенно в условиях локальных конфликтов, действительно изменилась. И эти изменения вскоре проявятся в будущих конфликтах.

Тема информационно-психологической войны в течение нескольких месяцев не сходила с полос газет и журналов, звучала в заявлениях официальных лиц, становилась темой круглых столов на национальных каналах телевидения. Организованная в октябре 2008 г. политической партией

¹ Фролов А.В. Россия и Грузия: некоторые итоги конфликта // Власть, 2008, № 10, стр. 36–38.

«Справедливая Россия» международная конференция «Информационные войны в современном мире» под председательством С.М. Миронова собрала ведущих российских и зарубежных политологов и политтехнологов, психологов, юристов, журналистов и имела большой общественный резонанс. Несомненно, это был явный признак того, что власть озабочена проблемой отражения внешней психологической агрессии и на разработку национальной российской модели информационно-психологического воздействия на конфликты есть государственный заказ.

К сожалению, пока разработки в этом направлении находятся на начальном уровне и в идеологическом плане сводятся к требованиям самим перейти «в информационно-психологическую контратаку», а в организационном плане — к предложениям создать государственную систему информационного противоборства, которая, по мнению известного политолога И.Н. Панарина¹, должна включать в себя

¹ Выступление И.Н. Панарина на конференции «Информационные войны в современном мире», Москва, 02.10.2008 г. // <http://www.spravedlivo.ru/news/>

три компонента: государственный совет по публичной дипломатии, федеральное агентство и антикризисный центр. Правда, без разработки собственных российских технологий психологического управления конфликтами (и соответствующей российской модели) любые организационные меры по созданию новых министерств и ведомств, занимающихся только информационной войной и ничем другим, представляются малоэффективными.

Объективно следует отметить, что война в Южной Осетии действительно показала себя вооружённым конфликтом нового поколения, который может использоваться любым из агрессивно настроенных по отношению к России мировых лидеров как детонатор для начала масштабной информационно-психологической войны. И для того чтобы в нём победить, недостаточно одной военной силы: военная победа в таком конфликте легко может обернуться сокрушительным поражением в мировой политике, если психологическая война Россией снова будет проиграна.